РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

На правах рукописи

Лисицына Ольга Игоревна

НОРМЫ И ПРАКТИКИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный руководитель: **Пушкарева Наталья Львовна,**
доктор исторических наук, профессор, ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, сектор этногендерных исследований, заведующая

Официальные оппоненты: **Белова Анна Валерьевна,**
доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», кафедра всеобщей истории, заведующая

Мицюк Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, ГБОУВПО СГМА Минздрава России, кафедра философии, истории медицины с курсом психологии и педагогики, старший преподаватель

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», кафедра этнологии

Защита состоится «   » декабря 2015 г. в «   » часов на заседании Диссертационного совета Д.002.117.01 на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при ФГБУН Ордена Дружбы народов Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 117334, Москва, Ленинский просп., 32а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института этнологии и антропологии РАН и на официальном сайте www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан «   »   2015 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук   Е.С. Данилко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ежедневные социальные практики, обыденный жизненный опыт, в том числе – восприятие собственной и чужой телесности, особенности осмысления и «конструирования» своего тела всегда были и остаются неотъемлемой частью повседневной жизни индивида. Но даже несмотря на существенные подвижки последнего времени, тема тела в гуманитарном знании продолжает оставаться у нас негласно табуируемой. В классической науке прошлое человечества традиционно рассматривалось без учёта фактора пола и тем более сексуальности. Такое направление, как история сексуальности, появилось совсем недавно: в нашей стране аналитический интерес к подобной тематике стал возможен лишь в контексте либерализации общественного дискурса 1990-х гг.

Именно тогда постмодернистские способы говорения о привычном властно актуализировали изучение обыденного жизненного опыта людей, живших задолго до нас и живущих сегодня. Без учёта отношений полов (в том числе и сексуальных) реконструкция целостной картины жизни людей невозможна, они всегда были и остаются частью как социальной, так и этнокультурной истории. Без исследования человеческих чувств, переживаний и побуждений представления об историческом прошлом не будут полными, а анализ повседневности сведётся к формальному описанию быта. Очевидно, что сексуальное поведение исторично и связано с целым комплексом общественных, культурных и иных факторов, обуславливающих его специфику.

Обращение в данном ракурсе к исследованию культур, которые ранее с подобной точки зрения не изучались, – веление времени. К ним относится и российская дворянская культура конца XVIII – первой половины XIX в., во всех отношениях обделённая вниманием учёных: историков-русистов – в силу слабого проникновения новых методов исторического исследования в данную дисциплину, этнологов – в силу бóльшего интереса к изучению крестьянства, как носителя «традиционности». Однако, жизнь образованного сословия (в конце XVIII в. окончательно преобразовавшего свой быт в соответствии с нормами и образцами

европейской жизни) требует специального этнологического исследования ввиду существенной специфики дворянских повседневных жизненных практик, нетипичных для традиционной народной культуры.

Также следует отметить, что маргинальное положение темы сексуального поведения российского дворянства стало следствием и идеологических причин, ведь не только изучение собственно проблематики сексуальности находилось под запретом до недавнего времени, но и обыденный быт дворянского сословия был фактически исключен из числа приоритетных тем советской исторической науки. Особенности же поведенческих запретов и сексуального поведения женщин тем более не привлекали исследователей, в том числе и по причине восприятия женского как вторичного, производного, менее значимого и определяющего, чем мужское. Но без обращения к заявленной теме наши представления о жизни людей прошлого не будут полными, а историческая картина – целостной, ведь жизнь тела, касающиеся её запреты и предписания не только составляют значимую часть эмоционального мира человека, его частной жизни, его культуры и его аксиосферы, но и формируют социокультурный контекст той или иной исторической эпохи. Также, изучая модели сексуальности, присущие какому-либо обществу и узнавая о принятой в нём системе запретов и предписаний, принципах их конструирования и действия, мы получаем возможность вскрывать аналогичные механизмы в современном мире.

Объект диссертационного исследования – повседневная жизнь российского дворянства центральной России (преимущественно Петербурга и Москвы, а также прилегающих к ним территорий) в конце XVIII – первой половине XIX в.

Предмет исследования – нормы и практики сексуального поведения как необходимая и неотъемлемая часть обыденной жизни людей дворянского сословия (в данном исследовании – его женской части, то есть дворянок) в конце XVIII – первой половине XIX в.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница (последняя треть XVIII в.) связана с окончанием периода политической нестабильности, характеризующегося либерализацией сексуальных практик, и

установлением Просвещённого абсолютизма. Эти события повлекли за собой трансформацию этикетно-этических норм дворянства в направлении ужесточения половой морали. На фоне массового распространения грамотности среди российских дворянок именно тогда возник феномен «женского письма», ввиду чего начал производиться особый женский способ говорения о себе (дискурс), заслуживающий первоочередного внимания исследователя при обращении к гендерной проблематике. Верхняя граница связана с началом буржуазных преобразований, обусловивших последующую трансформацию традиционной дворянской культуры в контексте размывания сословной структуры российского общества, а также с переходом женской сексуальности на новый дискурсивный уровень, нашедший своё отражение как в эволюции женского письма, так и в изменениях репрезентации женской сексуальности и женского тела в «большой», мужской художественной литературе данного периода.

Территориальные рамки исследования обусловлены его источниковой базой: многие представители российского дворянства, имея земельные владения в разных частях Европейской России, часто меняли место своего пребывания, однако привлечённые к данному диссертационному исследованию источники исходят от жителей столиц (старой и новой, Москвы и Петербурга) и прилегавших к ним губерний.

Степень изученности темы. Изучение эмоциональной составляющей повседневности различных социальных страт в те или иные исторические эпохи, «мира чувств» людей прошлого – достаточно молодое явление в исторической науке[1]. Развитие данного направления было связано с распространением интереса к привычному, повторяющемуся, обыденному – то есть всему тому, что прежде не привлекало внимания историков и не становилось предметом специального

---

[1] Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение, 2004. № 5. С. 3–19; Её же. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 93–112. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97; Её же. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 16–31 и др.

научного изучения. Безусловно, неотъемлемой составляющей повседневных жизненных практик является сексуальное поведение индивида.

В зарождении научного интереса к этой теме большую роль сыграли западноевропейские врачи конца XIX – начала XX в. (Р. фон Крафт-Эбинг, А. Форель, А. Молль, М. Хиршфельд, И. Блох, Х. Эллис). З. Фрейд был первым, кто заявил о значимости сексуальной сферы, «не сводимой лишь к функции продолжения рода»[2]. Этот тезис развили последующие поколения психоаналитиков, в частности, философ Ж. Лакан[3]. Одновременно вопросы сексуального поведения рассматривались этнографами и антропологами[4], заметившими существенные различия в моделях сексуального поведения разных обществ, что способствовало преодолению биологического детерминизма в представлениях о сексуальности. Но лишь в середине XX в. накопленные знания о многообразии моделей сексуального поведения были обобщены (К. Форд, Ф. Бич) и начались широкие статистические и социологические исследования (А. Кинси и др.)

Если до 1960-х гг. развитие сексологии в разных отраслях науки шло изолировано[5], то сейчас исследования по истории и антропологии сексуальности обрели междисциплинарное звучание, в том числе благодаря авторам феминистской ориентации. Еще в 1949 г. Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол» (где и прозвучал знаменитый тезис «женщиной не рождаются, женщиной становятся»[6]) представила сексуальность типичным социальным конструктом. После этого увидело свет множество разноплановых работ, объединённых подобной трактовкой сексуальности и, в частности, женского сексуального поведения (С. Бем, К. Хейлбран, Г. Рубин, Л. Иригарэ, А. Дворкин, Дж. Батлер и др.). В них оно резко

[2] Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М., 2014. – 224 с. (1-е изд. 1904).

[3] Лакан Ж. О наслаждении // Семинары. Книга 20. Ещё. М., 2011. – 176 с.

[4] Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей северо-западной Меланезии // Избранное: динамика культуры. М., 2004. – 959 с. (1-е изд. 1929); Мид М. Пол и темперамент в трёх примитивных обществах // Культура и мир детства. М., 1988. – 429 с. (1-е изд. 1935).

[5] Кон И.С. Сексология // Энциклопедия Кругосвет. [Электр. ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/medicina/SEKSOLOGIYA.html?page=0,0#part-1 (дата обращ.: 15.07.2015).

[6] Бовуар С. Второй пол. Т. II. М.; СПб., 1997. С. 310.

противопоставлено мужскому[7], а сексуальность рассматривается в комплексе гендерных политик, определяемых как политики подчинения, основанные на навязанных обществу фаллоцентристских представлениях и «принципе принудительной гетеросексуальности»[8]. Трудно не упомянуть и идеи французского культуролога Мишеля Фуко, придавшего «сексу форму дискурса»[9] и первым заметившего, что в новоевропейских обществах право как на производство, так и на «потребление» этого дискурса становится своего рода привилегией (теория знания как власти). Его взгляд на право говорения о сексуальном как властном инструменте нормализации социума[10] является для данного исследования ключевым с теоретической точки зрения[11].

В российских социальных науках исследования сексуальности имеют давнюю традицию. Поначалу (вплоть до 1930-х гг.) они велись практически параллельно с западными. Но с 1930-х до начала 1960-х гг., ввиду идеологического запрета подобной проблематики, публикаций российских ученых на эту тему и переводных работ их западных коллег практически не было. Временем возобновления интереса к антропологии, истории и этнографии сексуальной культуры стало начало 1960-х гг., когда были опубликованы первые исследования И.С. Кона[12], выведшего данную проблематику на междисциплинарный уровень, и его ученика С.И. Голода,

---

[7] Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия /под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. 2001. – 991 с. С. 128–130.

[8] Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Ч. II. С. 202. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.:, 2000. С. 89–140; Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. № 2 (76). С. 16–23.

[9] Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. [Электр.ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zb_fuko.php (дата обращения: 22.10.2014).

[10] Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 110, 170–189.

[11] Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. 5(85). С. 249-258.

[12] Кон И.С. Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966, № 12, С. 64–77; Его же. Секс, общество, культура // Иностранная литература, 1970, № 1. С. 243–255; Его же. О социологической интерпретации сексуального поведения // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 113–122 и мн. др.

проведшего опросы по проблемам сексуального поведения и сексуальной морали[13] и вынужденного почти на 30 лет прервать эти исследования (вплоть до начала политической «перестройки», вновь допустившей научное изучение вопросов сексуальной культуры). Новая страница в изучении запретной темы была открыта в конце 1980-х гг., когда на русский язык стали переводиться исследования западных ученых, начали издаваться учебные пособия и хрестоматии[14], в том числе основные труды И.С. Кона[15], а позже и С.И. Голода[16].

С 1990-х гг. в отечественной сексологии началось закономерное смещение акцентов с упрощённых биолого-медицинских моделей в пользу более тонких социокультурных построений, и на данном этапе особо значимый вклад в её развитие внесли отечественные гендерологи. Изучая различные аспекты истории повседневности и «женской» истории, они параллельно разрабатывали и новые приемы анализа историко-этнографического материала. Здесь велика оказалась роль Н.Л. Пушкаревой, заложившей основу гендерных изысканий в отечественных науках о прошлом[17] и уделившей достойное внимание истории женской интимности

---

[13] Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

[14] См. напр.: Секс и эротика в русской традиционной культуре: Сб. ст. / сост. А.Л. Топорков. М., 1996; Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. М., 1997; Женщина. Гендер. Культура: Сб. ст. / под ред. З.А. Хоткиной, Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Трофимовой. М., 1999; Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб., 2001; Гендерный калейдоскоп: Сб. ст. / под ред. М.М. Малышевой М., 2001; В поисках сексуальности: Сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Д. Буланин, 2002; О муже(N)ственности: Сб. ст. / сост. С. Ушакин. М., 2002 и др.

[15] Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988; Его же. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1995; Его же. Вкус запретного плода: Сексология для всех. М., 1997; Его же. Сексология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2004.

[16] Голод С.И. Личная жизнь, любовь, отношения полов. Л., 1990. Его же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996; Его же. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998; Его же. Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М., 2005.

[17] Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6; Её же. Гендерный подход в исторических науках: рождение, методы, перспективы // Женщина. Гендер. Культура / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Е.И. Трофимова, З.А. Хоткина. М., 1999. С. 14–28; Её же. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 2000. С. 166–187; Её же. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч. I / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001. С. 277–312; Её же. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007 и др.

(на материалах средневековья и Нового времени в России[18]). Опираясь на работы западных коллег и классиков феминистской теории, одновременно с Н.Л.Пушкаревой над разработкой культурологических и исторических проблем сексуальной культуры трудились историк Л.П. Репина[19], философ И.А. Жеребкина[20], социологи Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина[21] и Е. Гапова[22] и др. Благодаря их разработкам была сформирована междисциплинарная исследовательская база, позволяющая изучать проблемы пола и сексуальности в социокультурном русле, в частности, в ретроспективе.

Если вести речь непосредственно об изучении сексуального поведения российской дворянки, то лишь отдельные аспекты данной темы оказывались в поле зрения исследователей. Так, Н.Л. Пушкарева описала сферу чувств и интимных переживаний российских женщин XVIII – начала XIX в. по женским

---

[18] Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и московитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 51–103; Её же. Интимные переживания и интимная жизнь женщин в XVI–XVII вв. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 205–226; Её же. «Огнь естественный» или «грех поганый»? Источники по истории сексуальной этики и эротики в доиндустриальной России // «А се грехи злые, смертные…» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) /отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М., 1999. С. 5–13; Её же. «Како се разгоре сердце мое… и тело мое до тебе…» // «А се грехи злые, смертные…»… С. 507–516; Её же. «Не мать велела – сама захотела»: Интимные переживания и интимная жизнь россиянок в XVIII в. // «А се грехи злые, смертные…»… С. 612–627; Её же. «Мед и млеко под языком у нее» // Тело в русской культуре / сост. Г.И. Кабакова, Конт Ф. М., 2005. С. 78–101 и др.

[19] Репина Л.П. Выделение частной сферы как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 20–32; Её же. История женщин сегодня: Историографические заметки // Человек в кругу семьи… С. 35–73. Её же. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. Вып. 2. С. 76–100 и др.

[20] Жеребкина И.А. «Прочти моё желание...»: Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000; Её же. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч. I… С. 49–80.

[21] Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения) // В поисках сексуальности… С. 7–23; Их же. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I… С. 147–173 и др.

[22] Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. Ч. I… С. 370–390; Её же. Кейт Миллет: личное как политическое // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (6). С. 250–252; Её же. Полный Фуко: тело как поле власти // Неприкосновенный запас. 2011. № 2 (76) С. 69–75 и др.

автобиографиям[23], проанализировала специфические практики флирта[24], характеризовавшие межполовое общение российского дворянства. Её единомышленница и ученица А.В. Белова в комплексном исследовании повседневной жизни российских провинциальных дворянок XVIII – первой половины XIX в.[25] уделила немалое внимание проблемам женского воспитания[26], непосредственно влиявшего на формирование системы ценностей и психологических установок, показала, как воспринималась дворянскими девушками

---

[23] Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение.1995. № 3. С. 55–70; Её же. Мир чувств русской женщины XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С.17–31; Её же. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1997. № 6; Её же. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре до и после великих реформ XIX века // Вестник пермского университета. Серия история. 2013. № 1. С. 43-55.

[24] Пушкарева Н.Л. «Милый Алексей Николаевич» (флирт и любовь русского дворянина начала XIX века) // Родина. 1996. № 3. С. 67–73; Пушкарева Н.Л., Экштут С.А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина начала XIX века // Человек в кругу семьи… С. 178–204; Их же. «Cherchez la femme!» (Дневники А.Н. Вульфа как источник по истории русской эротической культуры начала XIX в.). «А се грехи злые, смертные…»… С. 681–712.

[25] Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб., 2009; Её же. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии): Автореф. канд. дисс. М.: РГГУ, 1999; Её же. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1/2 (30–31). С. 72–82; Её же. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97; Её же. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5–14; Её же. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): Автореф. докт. дисс. М.: ИЭА РАН, 2009 и др.

[26] Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И. Успенская. Тверь, 2000. 172 с. С. 32–44; Её же. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31; Её же. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74; Её же. Уездные «абитуриентки»: прием провинциальных дворянок в столичные институты // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей под общей редакцией В.И. Успенской. Тверь, 2002. Вып. 2. 320 с. С. 212–228; Её же. Роль няни в православном воспитании дворянских девочек в России XVIII – середины XIX в. // Культурно-исторические традиции православия: материалы межд. науч.-практ. конф. «Третьи пюхтицкие чтения». Куремяэ, Эстония, 2014. С. 140–147.

их собственная телесность, сексуальность[27] и любовные чувства[28]. Проблема социального конструирования телесности и репродуктивные аспекты женской сексуальности в пореформенной России[29] нашли отражение в работах Н.А. Мицюк.

В итоге можно сделать вывод, что за сто с лишним лет существования сексологических исследований данное направление прошло путь научного становления – от первых описаний сексуальных девиаций к системе представлений о сексуальной сфере человеческого бытия как культурно обусловленной и социально контролируемой категории. Интерес к теме существовал всегда, но временами он искусственно гасился идеологическими запретами. При этом нормы и практики сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. – как часть общей проблемы сексуальной культуры России указанного времени – изучались не системно и не специально. Комплексный анализ этой историко-этнографической темы в контексте социокультурной концепции сексуальности и поставлен в центр данного диссертационного исследования.

Цель диссертации – исследование сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. Для её достижения в диссертации решались следующие исследовательские **задачи**:

---

[27] Её же. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4 (41). С. 45–63; Её же. Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 3–18; Девичество в российской дворянской семье XVIII – середины XIX в. // Род и семья в контексте тверской истории: Сборник научных статей / Отв. ред. Т.И. Любина, В.В. Чижова. Тверь, 2006. Вып. 2. 316 с. С. 25–47.

[28] Белова А.В. Браки российских дворянок XVIII – середины XIX в.: между социальным принуждением и любовью // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. М., 2010. Т. 1. С. 106–112.

[29] Мицюк Н.А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. Том 13. № 1. С. 21–32; Её же. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–28; Ее же. Средства контрацепции в повседневной жизни российских дворянок на рубеже XIX – XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 2. С. 49–68.

1) выявить специфику мужских и женских речевых практик, способов говорения о сексуальной сфере жизни, характеризующих российскую дворянскую культуру в целом;

2) изучить феномен «женского письма» и способы саморепрезентации образованной россиянки конца XVIII – середины XIX в. для понимания особенностей дискурса сексуальности, строгости запретов и возможностей их обойти;

3) исследовать конкретные воспитательные стратегии в гендерном разрезе, степень и формы их влияния на формирование норм и практик сексуального поведения дворянки;

4) определить гендерную специфику характерных для дворянства морально-нравственных установок и проанализировать основные аскриптивные гендерные характеристики, формируемые под их влиянием;

5) выявить гендерную составляющую представлений о чести в российской дворянской культуре и её взаимосвязь с сексуальным поведением российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.;

6) обозначить визуальные характеристики «нормативной женственности», определить степень и описать механизмы следования «нормативному канону» женской красоты;

7) оценить место флирта в жизни российской дворянки и динамику изменений его роли в зависимости от её возрастного и социального статуса;

8) выявить легитимные практики межполового общения, принятые в светском обществе дореформенного периода и определить их место в женской дворянской повседневности конца XVIII – середины XIX в.

Источниковая база исследования. Проблему сексуальности российской дворянки можно назвать псевдоочевидной, ведь хрестоматийная русская литература, представленная мужчинами-авторами, изобилует женскими образами, знакомыми многим. «Мужская» классическая литература важна для изучения повседневности и всей российской дворянской культуры, но не менее важно обнаружить именно женский взгляд на свою и чужую сексуальность.

Сложность изучения такого аспекта жизни дворянки заключена в существенной специфике самого общественного дискурса рассматриваемого времени, ведь общепринятые речевые практики дворянской среды в России первой половины XIX в., как, впрочем, и на Западе, практически полностью исключали публичное обсуждение вопросов, связанных с жизнью тела. В особенности это касается женских эгодокументов, столь важных для понимания этой сферы интимной жизни.

В данной работе к исследованию привлечены и женские, и мужские автодокументальные тексты, произведения художественной литературы, написанные как мужчинами, так и женщинами, приобщены и аналогичные источники более позднего времени, позволяющие проследить динамику ослабления запретов на обсуждение сексуального поведения и оценить их строгость в интересующий нас период. К анализу привлечён эмпирический материал разного типа и вида, как архивные, так и опубликованные документы. Архивные материалы собраны, главным образом, в двух центральных архивах: Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В научный оборот введено около 100 малоизвестных и никогда не публиковавшихся ранее женских писем из 28 дел, хранящихся в 10 фондах. Более 30 из них написаны по-французски и приводятся в диссертации в авторском переводе.

Помимо указанных писем, в основу диссертации легли иные *источники личного происхождения*, как автокоммуникативные (дневники), так и документы межличностной коммуникации (воспоминания и письма), представляющие особый интерес, так как они фиксируют повседневный жизненный опыт сквозь призму индивидуальных, личных чувств и переживаний людей прошлого. *Художественная литература* как вид исторического источника представлена женскими и мужскими произведениями художественной литературы конца XVIII – середины XIX в.[30]

---

[30] Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М., 1986. – 527 с. С. 186–354; Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М., 2004. – 240 с.; Соллогуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М., 1990. С. 194–262; Ростопчина Е.П. Поединок // Дуэль. Повести русских писателей… С. 134–194; Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге.

Серьезным подспорьем в реконструкции «идеального» женского поведения с точки зрения как православной, так и светской этики оказались *нарративные источники* назидательного содержания – нравоучения, сборники моральных правил, поучительная церковная литература[31]. Привлечение материалов русской живописи (*визуальные источники*) позволило придать картине женской дворянской повседневности нужную глубину и объемность, без них трудно было бы понять духовную и телесную жизнь женщин разных возрастов, их представления о красоте и соответствии времени и моде, степени раскованности их поведения, о языке жестов и тела, умении «демонстрировать» себя.

Методология и методы исследования в определённой степени уже охарактеризованы выше в обзоре исследований по проблемам сексуальности и женского сексуального поведения. Помимо них, в диссертации применялись общегуманитарные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также и специально-исторические: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и историко-биографический. Сравнительно-исторический метод был использован при выявлении особенностей сексуального поведения российской дворянки – как женского в противовес мужскому, так и дворянского в противовес крестьянскому. Проблемно-хронологический метод позволил выявить не только эволюцию сексуального поведения на разных этапах жизненного цикла знатной женщины, но и проследить определённую динамику изменений в нормах и практиках её сексуального поведения. Применение историко-биографического метода обусловлено спецификой источниковой базы исследования.

[Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.05.2015); Ган Е.А. Идеал [Электронный ресурс]. URL: http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html (дата обращения: 14.09.2015) и др.

[31] Грасиан-и-Моралес Б. Придворной человек. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1742. – 262 с.; Ле Нобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1761 – 222 с.; Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. – 168 с. Тредиаковский В.К. Истинная политика знатных и благородных особ. 3-е изд. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1787. – 168 с. Трельч К. Женская школа, или Нравоучительныя правила для наставления прекраснаго пола как оному в свете разумно себя вести. М.: Напеч. при Имп. Моск. ун-те, 1773. – 140 с.

Подход исторической антропологии помог отойти от описания сексуальной культуры как абстрактного конструкта и «очеловечить» исследование, введя в него жизненные истории конкретных людей. Подход социальной истории как истории взаимодействий людей в обществе позволил изучить сексуальное поведение дворянки сквозь призму «табу» и запретов, введённых в социуме с целью контроля и нормализации, помогая выявить грань между нормой и девиацией, чтобы понять границы «дозволенного». Подход истории повседневности, предполагающий взгляд на исторический процесс как на историю «изнутри»[32], помог взглянуть на процессы и явления глазами конкретных их участниц. Наконец, уже упомянутый выше подход гендерной истории позволил вскрыть механизмы формирования отношений власти и подчинения между мужчиной и женщиной, половой дифференциации и стратификации общества в такой закрытой сфере, как интимные отношения. Работа построена на принципах системности (учета одновременного действия в историческом процессе многообразных факторов), комплексности (опоры на всю совокупность источников для выяснения причин явлений) и историзма (исследование исторических явлений в их постоянном развитии и видоизменении).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в историографии было произведено комплексное историко-этнографическое исследование сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в., в контексте социокультурной концепции сексуальности, чего не предпринималось ранее. Вместе с этим разработана специфическая методология «считывания» дискурса сексуальности в «асексуальных» текстах, принадлежащих российской дворянской культуре. Кроме того, значимость данного исследования состоит во введении в научный оборот ранее не исследованных источников личного происхождения (писем российских знатных женщин конца XVIII – середины XIX в.), которые в рамках данного исследования публикуются впервые.

Научная и практическая значимость диссертации. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в рамках вузовского преподавания отечественной истории конца XVIII – первой половины XIX в.,

---

[32] См.: Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки… С. 9.

истории отечественной культуры, а также гендерной истории. Кроме того, они могут быть полезны при написании научных работ по истории российской дворянской повседневности и частной сферы жизни знатной россиянки, которые изучены ещё в недостаточной степени.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сравнительный анализ мужских и женских текстов, как личного происхождения, так и литературных, выявил фундаментальные гендерные различия речевых практик о сексе. В отличие от мужских, женские источники демонстрируют практически полное отсутствие дискурса сексуальности, что свидетельствует о «прореживании говорящих субъектов», то есть об исключённости российской дворянки из производства и даже из «потребления» дискурса сексуальности, осуществлявшейся посредством особой «гендерной» цензуры.

2. В дискурсивных практиках российской дворянки сексуальные переживания выражаются исключительно в категориях романтического любовного чувства, однако даже оно представляется ей некой сознательно и искусственно конструируемой категорией и, как правило, увязывается исключительно с личностью «законного» объекта чувств – жениха, мужа.

3. Несмотря на ощутимую нацеленность всей системы женского воспитания и формирования женской личности на выполнение матримониальной и репродуктивной роли, дискурс сексуальности был табуирован даже в общении девочки с её матерью, няней, гувернанткой; сексуальное воспитание российской дворянки можно охарактеризовать в категориях тотального отсутствия.

4. Морально-нравственные установки российского дворянства имели ярко выраженную гендерную окраску; нормативные требования, предъявляемые женщине-дворянке, конструировались вокруг преставлений об идеальной матери и супруге, и следование именно такой поведенческой модели расценивалось в обществе как наиболее сексуально привлекательное женское поведение.

5. Ключевым механизмом контроля над сексуальным поведением российской дворянки следует признать систему представлений о «чести», имевших

сугубо гендерный характер; в значительной степени данный контроль осуществляется посредством института общественного мнения.

6. Российская дворянка прибегала к корректировкам внешности исходя не из личных предпочтений, а из общепринятого нормативного канона красоты, и не столько с целью осуществления собственных устремлений и притязаний, сколько для исполнения традиционного матримониального жизненного сценария, ведь для девушки, не мыслившей собственную сексуальность вне брака, привлекательность становится не более, чем средством сделать «удачную партию».

7. Важной парасексуальной практикой для российской знатной женщины оказывался флирт, который, представляя собой в значительной мере «легитимную» составляющую межполового общения, зачастую становился ключевым компонентом сексуальной жизни российской дворянки.

8. Можно проследить динамику роли флирта и сексуальной составляющей в целом в жизни российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: по мере её взросления и смены социального статуса в связи с обязательным замужеством, её сексуальное поведение подвергается всё меньшему контролю и для неё становятся возможны новые аспекты межполового поведения, однако, в том случае, если они соответствуют принятым нормам и представлениям.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были апробированы в 19 печатных статьях, 3 из них – в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Также положения данной диссертации прошли публичную апробацию на 9 научных конференциях, семинарах, круглых столах: выступление 26 июня 2012 г. на Седьмой научно-практическая конференция Молодёжного научного общества г. Москвы с докладом «Сексуальность российской дворянки XVIII – середины XIX в.: специфика изучения»; выступление 5 октября 2012 г. на Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» (г. Тверь) с докладом «Женская сексуальность в российской дворянской культуре: актуальность изучения»; выступление 15 марта 2013 г. на Международной научной конференции «Патриотизм и гражданственность в

повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.)» (г. Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина) с докладом «Дружба с августейшей особой в контексте повседневности российской дворянки во второй половине XVIII в.»; выступление 16 мая 2013 г. на XVII Всероссийской научно-теоретической конференции «Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории» (г. Москва, РУДН) с докладом «Сексуальность в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX в.: методология изучения в контексте истории повседневности»; выступление 23 мая 2013 г. на Второй межрегиональной научно-теоретической конференции «Светское образование и духовная миссия: исторический опыт в условиях современности» (г. Тверь, ТвГУ) с докладом «Особенности домашнего воспитания российской дворянки в конце XVIII – первой половине XIX века»; выступление 2 июля 2013 г. на X Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Москва, РАН) с докладом «Флирт в жизни благородных горожан и горожанок конца XVIII – середины XIX в.»; выступление 27 ноября 2013 г. на Общероссийской научно-практической конференции Института непрерывного профессионального образования «Непрерывное профессиональное образование в России: проблемы, задачи, перспективы» с докладом «Изучение сексуальности в контексте отечественной истории (на примере дворянства конца XVIII – начала XIX века»; выступление 10 октября 2014 г. на Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем» (г. Рязань) с докладом «Специфика дискурса сексуальности в российской дворянской среде конца XVIII – первой половины XIX в.»; выступление 24 декабря 2014 г. на Международной конференции молодых учёных «Антропология города. Молодёжные аспекты» с докладом «Категория «девичьей чести» в повседневной культуре российского столичного дворянства конца XVIII – середины XIX в.» (г. Москва, ИЭА РАН).

Структура диссертационной работы определяется поставленными целью и исследовательскими задачами. Работа делится на введение, три главы, разбитые на параграфы, заключение, список источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, выявлены его предмет и объект, цель и задачи, показана степень изученности проблемы описаны источниковая и методологическая база, определены научная и практическая значимость диссертационной работы.

Первая глава «Теоретические подходы в изучении сексуальной культуры и вопросы женской саморепрезентации в российских эгодокументах конца XVIII – первой половины XIX века» посвящена методологическим проблемам изучения сексуального поведения российской дворянки – достаточно сложной для историко-этнографического изучения проблематики.

В **первом параграфе «Особенности “говорения” на сексуальные темы в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века: гендерная составляющая»** проработана категория «дискурса сексуальности» применительно к российской дворянской культуре конца XVIII – середины XIX в. и показано, что она определяется через понятие «двойственной модели» сексуального поведения. Для российского дворянского общества проблема двойственности морально-этических норм, нашедшая своё отражение в разнице мужского и женского письма, стояла очень остро. Сравнительный анализ мужских и женских эгодокументальных и литературных текстов показал, что в рассматриваемый период женщины выражали свои эмоции и чувства сдержанней, нежели мужчины. Такое сопоставление дало возможность выделить два пласта в рамках практик говорения о сексуальном у дворян. Один из них, будучи сугубо «мужским», являл пример экспрессивного, непосредственного и откровенного речевого процесса, обладающего соответствующей лексикой, толерантным отношением к проявлениям своей и чужой чувственности. Второй – открытый и женщинам (но обычно лишь как объекту мужских эротических переживаний) был общедоступным, но при этом сильно формализованным и эвфемистическим. Очевидно, что женщины не только не принимали участия в первом типе говорения о чувствах, но категорически были исключены из него и поставлены в жесткие моральные рамки соответствующей их

полу модели сексуального поведения (в том числе и речевого). Особенно это касалось незамужних представительниц дворянства, а осуществлялась такая политика посредством своеобразной «гендерной цензуры», направленной против сексуального просвещения дворянки.

Во **втором параграфе «Российская дворянка в автодокументальных источниках конца XVIII – первой половины XIX века»** исследованы способы и особенности «женского письма» конца XVIII – середины XIX в. с целью понимания особенностей дискурса сексуальности в асексуальных (на первый взгляд) текстах дворянок. На основе их изучения (особое внимание в данном параграфе уделено эпистолярным источникам как наиболее массовым текстам, исходившим от российских знатных женщин конца XVIII – середины XIX в.) можно сделать вывод, что в женском дискурсе сексуальные переживания выражались исключительно в категориях романтического любовного чувства, однако даже оно, как правило, увязывалось исключительно с личностью «законного» объекта чувств – жениха, супруга.

Во **второй главе «Механизмы формирования системы ценностей российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX века»** проанализированы нормы сексуального поведения российской дворянки и основные механизмы их формирования.

В первом параграфе «Социально-обусловленные особенности воспитания российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX века» исследованы конкретные воспитательные стратегии, осуществлявшиеся в дворянском обществе в отношении девочек. Если мальчика воспитывали как будущего общественно-политического, культурного или военного деятеля, то девочку готовили к роли жены и матери. Через женскую воспитательную систему общество осуществляло «производство» такого «продукта», в котором оно было заинтересовано, иначе говоря, воспитывало женщин в соответствии с системой конкретных социальных ожиданий. Парадоксально, что при подобной матримониальной и репродуктивной направленности всей системы женского воспитания сексуальный аспект не просто уходил из сферы внимания или не имел должного развития, но сознательно

подавлялся. Такая система воспитания предоставляла женщине возможность обрести сексуальный опыт, не владея какой бы то ни было информацией о телесности, поле и чувственности, и – при отсутствии соответствующего дискурса как такового – исключительно «опытным путём» и, разумеется, как правило, лишь в контексте брака.

Во **втором параграфе «Нормативная модель поведения и система ценностных ориентаций женщины в российском дворянском сословии конца XVIII – первой половины XIX века»** развита мысль о существовании в отношении дворянской девушки жёсткой системы социальных ожиданий, формировавшей у неё представления о том, каким должен быть её моральный облик и нормативная модель поведения. Путём сопоставления и анализа наиболее часто употребляемых в женской автодокументалистике характеристик в работе воссоздана модель нормативной женской личности на основе комплекса применявшихся по отношению к ней в текстах эпитетов. Характерно, что в рамках российской дворянской культуры женщина смотрела на себя словно мужскими глазами, так как привыкла восприниматься (осознавая или не осознавая это) в качестве объекта мужского внимания.

Третий параграф «Гендерный аспект представлений о чести в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века» вскрыла взаимосвязь представлений о чести, носящих гендерный характер, с сексуальным поведением российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. В своей повседневной жизни дворянская девушка не часто имела возможность принимать решения такой значимости, которые могли бы затронуть её «честь» (понимаемую как целомудрие), не имела она и возможности самостоятельно реабилитировать её в глазах общественности, поэтому ответственность за «честность» дворянки несла её семья. На репутацию «честной» женщины могло повлиять не только и не столько её поведение, сколько поведение мужчины в отношении неё, следовательно, дворянка выступала не столько субъектом действия, сколько объектом мужских манипуляций, однако этот факт не снимал с неё ответственности, заставляя лишь ужесточать внутренние запреты и табу, причём она несла эту ответственность не

только перед собой, но и перед мужем или семьёй в целом, ведь, по большому счёту, право отстаивания женской чести принадлежало исключительно мужчинам.

Третья **глава «Способы реализации интимных помыслов представительницами российского дворянства конца XVIII – первой половины XIX века»** посвящена наиболее значимым сексуальным и парасексуальным практикам в жизни российской дворянки.

В **первом параграфе «Конструирование внешнего вида: канон красоты и телесные практики в женской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века»** рассмотрены специфические телесные практики российской знатной женщины по преобразованию своего внешнего, которые были тесно связаны с представлениями о «нормативном каноне» женской красоты. Конструирование внешности, нацеленное на формирование или подчёркивание сексуальной привлекательности, ввиду тотального табуирования сексуальной составляющей, имело для юной представительницы дворянства иные смыслы, выдержанные в русле матримониальных устремлений. Дворянка воспринимала свои тело и внешность через призму мужских предпочтений и конструировала собственную сексуальную привлекательность не осознавая её таковой.

Второй параграф «Флирт и его место в сексуальной жизни представительниц дворянского сословия конца XVIII – первой половины XIX века» посвящён наиболее часто описываемой в источниках и единственной легитимной практике межполового общения, принятой в дворянском обществе конца XVIII – середины XIX в. Итак, можно говорить о положительной динамике роли флирта в жизни российской дворянки: если в подростковом возрасте практик дозволенного флирта для юной барышни не предусматривалось вовсе, для девушки, выходящей в свет, многие из них уже были формально доступны, но при этом продолжающий довлеть над ней контроль со стороны авторитарной семьи блокировал значительную часть проявлений её чувственности. Он направлял сексуальное поведение девушки в русло брака и дозволял флирт лишь в его контексте. В связи с этим положение дворянки после замужества существенно менялось: если она продолжала бывать в свете, то брак, как правило, открывал

новые возможности для флирта, отделённого теперь уже от матримониальных устремлений и, следовательно, основанного на личной симпатии и влечении.

Третий параграф «Повседневные сексуальные практики столичной дворянки в светском обществе» посвящён повседневным практикам сексуального поведения не всей женской части российского дворянства, а лишь узкой элитарной прослойки представительниц аристократических фамилий. Они составляли категорию так называемых «модных жён» или «светских львиц». Такие дамы обладали собственными, сугубо дворянскими формами сексуального поведения, имеющими существенную специфику. Некоторые из них (скажем, маскарад) давали женщине действительно большую свободу сексуального поведения, однако, именно ввиду этого они заведомо несли на себе печать некой маргинальности. Несмотря на их легитимность, причастность к ним могла сказываться на репутации. Также источники показывают, что даже для замужней дамы, для которой флирт уже не служил цели удачного замужества, сексуальные практики не всегда оказывались увязанными с её сексуальным влечением, «склонностью», а зачастую выполняли для неё лишь роль своеобразного рычага давления, средства манипуляции и достижения тех или иных целей в светском обществе.

В **заключении** обобщены выводы по каждой из глав диссертационного исследования: *во-первых*, в дворянской среде конца XVIII – первой половины XIX в. существовало, по сути, два основных направления развития системы речевых практик о сексе: одно из них, откровенное и экспрессивное, демонстрировало достаточно большую свободу сексуального поведения, но было сугубо мужским и «закрытым» для женщины посредством своеобразной «гендерной цензуры», второе же, «открытое» женщине, но зачастую не как субъекту сексуального поведения, а лишь как объекту мужского внимания, оказывалось значительно более «легитимным» и всеобщим, но сильно формализованным, сдержанным и эвфемистическим, в результате чего, доступ дворянки к информации о сексуальности оказывался сильно ограничен; *во-вторых*, в отношении дворянских девушек существовала достаточно жёсткая и безальтернативная система социальных ожиданий, носившая сугубо гендерный характер, она формировала у

дворянки представления о том, каким должен быть её моральный облик и модель поведения, ключевое значение при этом имела категория женской «чести», понимаемой далеко не только в сугубо физиологическом смысле (как воздержание от внебрачных половых контактов), но и резко противопоставленной фактически любым проявлениям женской сексуальности; *в-третьих,* жёсткий контроль над сексуальным поведением благородной женщины ощутимо ослабевал по мере её взросления, так, если для девочки и девушки-подростка каких-либо практик дозволенного сексуального поведения предусмотрено не было, то для барышни, «вывозившейся» в свет, то есть имевшей статус «невесты», становился доступен публичный флирт, наибольшую же свободу сексуального поведения, как ни парадоксально, имела замужняя «светская дама», ведь именно её сексуальное поведение оказывалось, наконец, освобождённым от матримониальной цели, однако и оно могло «легитимно» существовать лишь в строго определённых светским обществом формах и проявлениях.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора общим объёмом около 6 печатных листов:

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Лисицына О.И.* Сексуальность как социальная политика в постструктуралистских и постмодернистских западных исследованиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб., 2014. № 2. Том 4. История. С. 46–52 (0,4 п.л.)

2. *Лисицына О.И.* Гендерные аспекты домашнего воспитания в российской дворянской семье в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 136–146 (0,6 п.л.)

3. *Лисицына О.И., Пушкарева Н.Л.* Представления о женской чести в российской дворянской культуре (конец XVIII – начало XIX века) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 76–89 (1 п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. *Лисицына О.И.* Женская сексуальность в российской дворянской культуре: актуальность изучения // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь: в 2 т. / отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 2. – 514 с. С. 143–146 (0,25 п.л.).

5. *Лисицына О.И.* Изучение повседневности российской дворянки XVIII – середины XIX века в отечественной историографии // Личное есть историческое: сборник, посвященный юбилею профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова; под ред. А.В. Беловой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – 180 с., ил. С. 83–86 (0,25 п.л.).

6. *Лисицына О.И.* Изучение женской повседневности в российской историоргафии: проблема толерантности // Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы: материалы Всерос. научно-практ. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – 256 с. С. 224–228 (0,3 п.л.).

7. *Лисицына О.И.* История изучения феномена сексуальности: от естественных наук к социальному знанию // Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона: сб. науч. ст. и учеб.-метод. материалов / ред. А.В. Винник, Ю.В. Степанова. Тверь: Твер. Гос. ун-т, 2012. 224 с. С. 55–62 (0,53 п.л.).

8. *Лисицына О.И.* Сексуальность как социальная политика в западных гендерных исследованиях // Социально-политические процессы в меняющемся мире: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Н. Козловой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. Вып. 13. – 152 с. С. 16–20 (0,3 п.л.).

9. *Лисицына О.И.* Сексуальность российской дворянки XVIII – середины XIX в.: к постановке проблемы // Рубежи славы: Материалы VII научно-практической конференции: Сборник научных статей и выступлений. М.: Издательство «Спутник +», 2012. 125 с. С. 28–31 (0,25 п.л.).

10. *Лисицына О.И.* Дружба с августейшей особой в контексте повседневности российской дворянки во второй половине XVIII в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.):

материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – 300 с. С. 70–73 (0,25 п.л.).

11. *Лисицына О.И.* Особенности домашнего воспитания российской дворянки в конце XVIII – первой половине XIX века // Светское образование и духовная миссия: исторический опыт в условиях современности: материалы Второй межрегиональной научно-теоретической конференции, 23 мая 2013 г., Тверь / отв. ред. А.В. Белова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 136 с. С. 110 – 114 (0,25 п.л.).

12. *Лисицына О.И.* Сексуальность в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX в.: методология изучения в контексте истории повседневности // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. М.: Экон-информ, 2013. 756 с. С. 407 – 416 (0,56 п.л.)

13. *Лисицына О.И.* Специфика воспитания дворянских девочек в закрытых учебных заведениях в конце XVIII – XIX в. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ 3–6 октября 2013 г. в г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика). Нальчик, 2013. Т. 2. С. 199–201 (0,2 п.л.)

14. *Лисицына О.И.* Специфика воспитания российских дворянок в столичных институтах в конце XVIII – XIX в. // Гендерная политика городов: история и современность: материалы III Международной научно-практической конференции (23–25 октября 2013 г., г. Харьков). Харьков, 2013. С. 117 – 121 (0,3 п.л.).

15. *Лисицына О.И.* Современная и традиционная модели поведения горожан // Современный город и социально-культурная модернизация России: материалы X Конгресса этнографов и антропологов России (г. Москва, 2–6 июля 2013 г.). М.: ИЭА РАН, 2013. С. 179 (0,1 п.л.).

16. *Лисицына О.И.* Изучение сексуальности в контексте отечественной истории (на примере дворянства конца XVIII – начала XIX века) // Научные труды

Института непрерывного профессионального образования. Вып. 2 (№2/2014): материалы Общероссийской научно-практической конференции («Непрерывное профессиональное образование в России: проблемы, задачи, перспективы») / под науч. ред. проф. С.В. Чернова. М.: Ид-во Института непрерывного профессионального образования, 2014 – с. 332. С. 207–212 (0,35 п.л.).

17. *Лисицына О.И.* Специфика дискурса сексуальности в российской дворянской среде конца XVIII – первой половины XIX в. // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань. М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 1. – 1100 с. С. 148–152 (0,25 п.л.).

18. *Лисицына О.И.* Роль матери в воспитании российской дворянки первой половины XIX в. // Контакты и взаимодействия культур: материалы XI Конгресса антропологов и этнологов России, г. Екатеринбург, 7–10 июля 2015. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 456

19. *Лисицына О.И.* Флирт в жизни российской дворянской девушки (конец XVIII – первая половина XIX века) // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов. Материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8 – 11 октября 2015 г., Старый Оскол. М. – Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 2. – 247 с. С. 192–197 (0,3 п.л.)